

Параязык в текстах

Григорий Ефимович Крейдлин, Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва), gekr@iitp.ru

Елена Яковлевна Шмелева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), eshkind@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170024705-4

аннотация: Наряду с естественным языком в актах устной коммуникации принимают участие невербальные знаки разной природы, в частности параязыковые знаки. В настоящей работе описываются особенности употребления и функции русских параязыковых единиц в разного рода текстах. Особое внимание уделяется русским анекдотам, в которых эти единицы являются ключом к природе комического.

Анализируются случаи имитации невербальными единицами патологий произношения, а также этнические, социальные, профессиональные и иные особенности коммуникативного поведения людей. Отмечаются некоторые функции параязыковых единиц, а именно быть заместителями табуированных речевых единиц, обозначать те или иные реально совершаемые действия, имитировать особенности произношения и др.

Особое внимание обращается на форму, значение и употребление в текстах параязыковых единиц. Некоторым параязыковым единицам даны толкования, описываются сферы употребления отдельных единиц в текстах разных типов. Отмечены синтаксические роли параязыковых единиц в предложениях, а также в текстах, больших, чем предложения, прежде всего в диалогах.

Лексика параязыка относится к разряду так называемых сигналятивов, которые не выражают пропозиции, а являются лишь сигналами эмоций человека или маркерами его мыслительной деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русские параязыковые лексические единицы, текст, анекдот, функции, сигналятивы

для цитирования: Крейдлин Г. Е., Шмелева Е. Я. Параязык в текстах // Русская речь. 2023. № 1. С. 45–65. DOI: 10.31857/S013161170024705-4.

Issues of Modern Russian Language

Paralanguage in Natural Language Texts

Grigorii E. Kreidlin, Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow), 1gekr@iitp.ru

Elena Ya. Shmeleva, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), 2eshkind@mail.ru

ABSTRACT: In oral communication natural language is always combined with nonverbal signs of various nature, in particular paralanguage signs. The present paper describes usages and functions of lexical paralanguage units in Russian texts, mainly texts of anecdotes, where these units serve as a key to comic effect.

The article analyzes examples of nonverbal imitation of speech pathology and ethnic, social, professional and other peculiarities of human communicative behavior. The paper describes some functions of paralinguistic signs such as their ability to imitate specific acts of pronunciation, to substitute taboo speech units or to denote other real actions.

The authors pay attention to the form, meaning and usage of paralanguage units in Russian. Some of the units regarded are supplied with semantic descriptions and with descriptions of spheres of their usage. The article establishes syntactic function of paralanguage units in dialogues.

Paralinguistic units constitute the class of so-called signalatives, which do not denote propositions but indicate peoples' emotions or their mental activity

KEYWORDS: Russian paralinguistic lexical units, text, anecdote, functions, signalatives

FOR CITATION: Kreidlin G. E., Shmeleva E. Ya. Paralanguage in Natural Language Texts. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 1. Pp. 45–65. DOI: 10.31857/S013161170024705-4.

Исследовательский материал и постановка задачи

Параязык сравнительно недавно стал предметом изучения лингвистов и семиотиков, причем проблемы, связанные с параязыком, в основном изучаются на примере повседневных языковых текстов. Выделяются три основные категории параязыковых лексических единиц. Это:

- 1) одиночные звуки и последовательности звуков, которые не принадлежат естественному языку, но которые в конкретном акте коммуникации могут означаться (семиотизироваться), то есть приобретать значение. Примерами таких единиц являются последовательности *трах-тибидох-тох-тох*, *а-а-а* со значением 'торжество', употребляемое взрослым в игре с детьми (ср. сочетание: *А-а-а! Попался!*), единицы, имитирующие производимый поцелуй, и др. См. также шуточный текст, в котором с помощью параязыковых единиц — перевертышей — обыгрывается встречное направление движения: *Один идет: чап-чап-чап. Навстречу другой: пач-пач-пач.*

Некоторые из таких последовательностей, например *бац*, *ш-ш-ш* стали конвенциональными языковыми единицами и даже получили отражение в некоторых новых словарях (ср. «Толковый словарь русской разговорной речи» [Крысин (ред.) 2014–2022], «Большой толковый словарь» [Кузнецов (ред.) 2014]).

Описание значений, которые некоторые из подобных единиц приобретают в контекстах, главным образом в диалогических, а также возможности разного произношения таких единиц, случаи их различного написания и типы синтаксических конструкций, в которых эти единицы встречаются, будут рассмотрены ниже;

- 2) фонации, под которыми понимаются изменения звучания традиционных звуков речи или отдельных звуков параязыка. Фонации имеют место вследствие изменений разных параметров речи, таких как тембр, скорость, частота, а также вследствие изменения мелодики интоном, интенсивности звуков, длительности пауз и слогов¹. Кроме того, речевые и параречевые единицы могут меняться

¹ Фонациям посвящены многие работы С. В. Кодзасова, см., например, [Кодзасов 2000].

в зависимости от места происхождения, от этнической, национальной или социальной принадлежности говорящего. Примерами таких изменений могут служить имитация в анекдотах замедленной речи эстонцев, особый тембр речи так называемых «новых русских» или подражание в анекдотах речи техасцев.

- 3) Лингвокультурологические комплексы, такие как стоны, смех, крик, плач, или комплексы так называемых инструментальных звуков, то есть звуков, сопровождающих те или иные действия, и их языковые обозначения. Отметим, что звуки смеха, отображаемые на письме как *хи-хи-хи*, не такие же, как звуки смеха *ха-ха-ха* или *гы-гы-гы*. Точно так же крик человека, заблудившегося в лесу и зовущего «своего», не такой, как крик человека, находящегося в городе и зовущего на помощь. Все перечисленные различия между параязыковыми элементами, являются смысловыми.

Примером текста, построенного на отображении звуков, различающих разные лингвокультурологические комплексы, служит анекдот: *Твой сын идет в воду и бац. — Не бац, а бултых, потому что он глубоко зашел.*

Многие из лингвокультурологических комплексов выделяются и описываются как отдельные лексические единицы паралингвистики — науки, изучающей параязык, точнее параязыки, соответствующие разным иностранным языкам. Многие такие единицы служат важными диагностическими маркерами, позволяющими судить о патологии человека или его телесных объектов (ср., например, речь заикающегося русского человека или речь англичанина-дистрофика), о климатических факторах или о месте проживания человека (ср. такие особенности речи, как картавость или необычная длительность речи некоторых народов Севера России, находящие отражение и в соответствующих анекдотах).

Особое место в текстах занимают параязыковые единицы, которые лингвистика относит к *звукоподражаниям*. Есть даже тексты, в которых звукоподражания имитируют звучание отдельных предметов, множества сопоставимых предметов или каких-то признаков предметов. Ср., например, детский стишок:

Бьют часы на башне: тик-так, тик-так.

А стенные поскорее: тики-таки, тики-таки-так.

А карманные спешат: тики-таки, тики-таки, тики-таки-так.

В этом стихотворении размеры часов и скорость их биения иконически отображаются в последовательностях звучания — в длине и характере звуков.

Исследования параязыков многих народов и культур показали, что в текстах разного типа одна и та же параязыковая единица может обладать своими особенностями. Впрочем, систематического исследования значений и употреблений параязыковых единиц в текстах разных культур, насколько нам известно, до настоящего времени не проводилось.

Целью настоящей работы является описание поведения некоторых семантических и синтаксических параязыковых единиц и типов параязыковых единиц в русских текстах, главным образом в анекдотах. Материал текстов анекдотов был выбран нами потому, что анекдоты, с одной стороны, имитируют живую речь носителей языка, а с другой стороны, подчеркивают и юмористически обыгрывают особенности использования параязыка людьми разных этносов, социальных слоев, профессий и индивидуальные характеристики носителей данного языка.

Параязык как элемент «ненастоящего» языка часто употребляется в особых целях. В анекдотах, например, он может служить цели отображения ненормативного, неполиткорректного или попросту неприличного поведения, и такое его употребление часто является солью соответствующего анекдота.

Обратим внимание на некоторые роли и функции параязыковых единиц, которые ранее системно не описывались. Это их анафорическое употребление, это эвфемистическая функция — параязыковые единицы, как и речевые, заменяют в текстах, в том числе в текстах анекдотов, табуированную лексику² — или роль параязыковых единиц как заместителей семантически полнозначных имен, то есть употребление этих единиц в роли особого рода номинатем, ср., например, в коротком анекдоте (1) такой ролью обладает второе вхождение параязыковой последовательности *брр*, которая замещает полнозначное языковое имя:

(1) *Просыпаюсь утром: брр. Смотрю, брр тоже проснулась.*

Далее в статье мы остановимся на примерах имитации параязыковыми единицами патологий произношения, на этнических, социальных, профессиональных и иных особенностях речевого поведения людей. При этом мы покажем, что некоторые параязыковые единицы отображают определенные характеристики действий и состояний — скорость, направление, интенсивность, длительность, инструмент и др.

Каждый текст, который далее приводится в статье, сопровождается лингвистическим и, шире, семиотическим комментарием.

² Сами параязыковые звучания тоже могут восприниматься как неприличные, и многие авторы их заменяют эвфемистическими звуками или последовательностями звуков. К таким звукам относятся, например, звуки, отображающие «жизнь тела», или незаконченные неприличные слова, от которых остаются только начальные последовательности соответствующих звуков.

§1. Тексты с неприличным содержанием

Начнем анализ, как это читателю ни покажется странным, с неприличных анекдотов. Дело в том, что именно в таких анекдотах параязыковые единицы функционируют как эвфемизмы, заменяя полнозначную табуированную лексику (обычно это обозначения половых органов или связанных с ними объектов), либо как анафорические элементы, отсылающие к полнозначным языковым единицам. В неприличных анекдотах широко применяются лингвокультурологически значимые звуковые комплексы, такие как звуки смеха. См. следующий анекдот:

- (2) *На лекции в медицинском институте. Профессор: — Какой орган человеческого тела при возбуждении увеличивается в четыре раза? Студентки в первом ряду: — Хи-хи! Профессор возмущенно: — Неверно, это зрачок. А ваше «хи-хи», девушки, только в два раза.*

Параязыковая последовательность *хи-хи* имеет несколько значений, и в (1) она обозначает ‘кокетливый смешок’. Профессор знает причину, по которой последовал такой смешок студенток. Фактически сама лексика вопроса ведет к невербальной (параязыковой) реакции. Действительно, и слово *орган* в вопросе, одно из значений которого — ‘мужской половой орган’, и прямое указание на свойство соответствующего органа — увеличение его в размерах при возбуждении — вызывают «неприличные» ассоциации.

Ответ профессора — *зрачок*, — который он считает правильным, на самом деле, крайне странный, поскольку словом *зрачок* не называется орган человеческого тела. Зрачок — это часть глаза, а *органом* называют соматический, или телесный, объект по его функции. Например, глаза — это орган зрения и при этом часть лица, уши — это орган слуха и при этом часть головы.

Рассмотрим еще один неприличный анекдот с последовательностью звуков, обозначающих смех:

- (3) *Настоятельница монастыря собрала монашек. «Я должна сообщить вам, сестры, ужасное известие. Наш монастырь посетил мужчина!» Все монашки разом: «А-ах!» А один голос: «Хи-хи-хи!» «В нашем саду обнаружен презерватив», — продолжает настоятельница. Все: «А-ах!» А один голос: «Хи-хи-хи!» «В презервативе обнаружена дырка!» Все: «Хи-хи-хи!» А один голос: «А-ах!»*

В этом анекдоте встречается несколько параязыковых единиц. Во-первых, это единица *а-ах*, два значения которой обыгрываются в анекдоте. Первое значение (лексема *а-ах*¹) — это возглас восторженного удивления, сопровождаемого выдохом; при этом длительность выдоха подчеркива-

ется комплексом *а-а*. Второе значение (лексема *а-ах²*) — это выражение горького сожаления.

Общим для обеих лексем является, во-первых, семантический элемент ‘выдох’, а во-вторых, использование двух параязыковых единиц в одной и той же ситуации в роли заместителей. Антецедентом во всех случаях является намекаемая, а не обозначаемая неприличная ситуация, субъектом которой является мужчина.

В том же анекдоте есть еще одна параязыковая единица *хи-хи-хи*, которая тоже имеет по меньшей мере два значения, и в обоих значениях используется в анекдоте.

Первое значение (лексема *хи-хи-хи¹*) — это обозначение звуков довольного смеха женщины, которая знает о посещении женского монастыря мужчиной. У этой лексемы есть и другое употребление — редуцированное. В редуцированном употреблении (второе вхождение той же лексемы) семантического компонента довольного смеха нет; в этом употреблении актуализуется семантический компонент знания.

У единицы *хи-хи-хи* есть еще одно значение, более сложно организованное (лексема *хи-хи-хи²*). В толковании этой лексемы содержится предсуппозиция, которая отражает тот факт, что ранее произошло некоторое неприличное событие, связанное с поведением одной из монашек и могущее иметь для нее неприятные последствия. Ассерцию же составляет злорадное понимание этого факта другими монашками.

Подчеркнем попутно, что длина последовательностей *хи-хи* и *хи-хи-хи* соответствует различию в значениях слов *смешок* и *смех*.

Общим для приведенных двух текстов с параязыковыми последовательностями является явно выраженный в этих последовательностях компонент оценки, — в одних случаях носящих характер уничижительности, в других — злорадства, в третьих — насмешки. Типология оценок, закрепленных за параязыковыми единицами и проявляющихся в текстах разных жанров, никогда ранее не изучалась.

Вот еще несколько неприличных текстов с теми же параязыковыми единицами:

- (4) *Приходит ежик в аптеку, а там две белочки-аптекариши. Он сурово так заказывает: «Мне девяносто презервативов». Белочки: «Хи-хи-хи!» Ежик: «Девяносто два!!!»*

В тексте (4), как и в (3), встречается параязыковая единица *хи-хи-хи*, которая является реакцией на чрезмерно большое количество покупаемых презервативов. Соль этого анекдота — в заключительной фразе: ёжик подчеркивает, что все заказанные им презервативы, и даже на два больше, будут использованы.

(5) *Урок в грузинской школе.*

— *Дэти, что у меня ныжэ пупа, вишэ калэна?*

— *Хи-хи-хи, ха-ха-ха!*

— *Неправильно, дэти! Ныжэ пупа, више калэна у мэня КЫНЖАЛ! А то, что хи-хи-хи-ха-ха-ха, — у мэня ныже калэна!*

Обычный ответ на вопрос о том, что находится между двумя телесными объектами, относительно близко расположенными друг от друга, предполагает ответ тоже в виде некоторого телесного объекта, и в этом анекдоте подразумевается мужской половой орган. Именно этот подразумеваемый объект и вызвал смешки учеников — *хи-хи-хи* да *ха-ха-ха*.

Ответ учителя не соответствует вопросу: *кынжал* не является телесным объектом.

Здесь интересно то, что параязыковые последовательности *хи-хи-хи* и *ха-ха-ха* функционируют во многих текстах подобно местоименным заместителям. Эта синтаксическая функция указанных единиц отмечена в соответствующих словарных статьях ТСРР [Крысин (ред.) 2022].

Представляется очевидным, что изучение всех функций и синтаксических ролей параязыковых единиц в разного вида текстах должно стать предметом отдельного исследования.

§2. Тексты с параязыковыми заместителями табуированных речевых единиц

Существуют параязыковые единицы, такие как *ёклмн*, *ёпрст*, *ё-моё*, которые в текстах заменяют табуированные слова или последовательности слов. Кроме того, заместителями табуированных слов могут быть их начальные части, см., например, единицы *б*, *б-л*, *х* и под. Такие параязыковые единицы встречаются, в частности, в анекдотах:

(6) *Вовочка: «Ёпрст». Машенька: «Ёклмн».*

Учительница Марь Иванна: «Неправильно, дети! Нужно говорить Ё-ж-з-и-й».

Здесь дети произносят последовательности букв, которые являются очевидными аналогами матерных выражений, а учительница думает, что ученики просто путают порядок букв в алфавите. На основе этой коллизии и создается анекдот.

(7) *Входят Никулин, Вицин и Моргунов в автобус. Первым идет Бывалый (актер Никулин) и говорит водителю: «КГБ». Затем проходит Балбес (Моргунов) и говорит: «МВД». Трус (Вицин), не понимая, что нужно*

говорить, произносит первое, что пришло ему на ум: «АБВГД». Водитель удивился, но думает, наверно, это что-то значит, отвечает: «ЁПРСТ, проходи!»

КГБ и МВД — это общеизвестные сокращения названий организаций, сотрудники которых пользуются всяческими привилегиями, включая право на бесплатный проезд. Трус не понимает значения этих аббревиатур и произносит последовательность первых букв алфавита. Реакция водителя автобуса — это, по сути, объединение двух значений параязыковой единицы *ёпрст*, а именно последовательности русских букв и заместителя матерного выражения.

(8) *Учительница в классе.*

— *Дети, кто знает слово на букву «х»?*

Вовочка тянет руку.

— *Нет, Вовочка, ты еще за «б» родителей в школу не привел.*

В этом тексте в качестве параязыковых единиц выступают начальные буквы матерных слов. Известный герой серии русских анекдотов Вовочка всегда произносит что-то ненормативное и чаще всего обценное. Поэтому учительница боится, что Вовочка произнесет вслух что-то явно неподходящее, то есть то, что другие ученики не должны слышать. Сама учительница прекрасно знает скрываемые за этими буквами матерные слова, кроме того, их знают и адресаты этого анекдота. Можно отметить, что здесь параязыковые единицы в виде начальных букв неприличных русских слов играют роль заместителей самих слов.

§3. Тексты, в которых параязыковые единицы обозначают реально совершаемые действия

Среди параязыковых единиц, обозначающих совершаемые действия, много таких, которые относятся к звукоподражаниям. В качестве примера таких единиц можно привести звуки (вместе с их графическими обозначениями), которые сопровождают вход в дом. При входе в дом люди *стучат, колотят, дубасят (в дверь) или звонят, названивают, трезвонят*, и все эти действия сопровождаются звуками стука, звонков и т. д.

На наш взгляд, в лексикографическом представлении этих и подобных глаголов необходимо указывать типовые звуки, сопровождающие соответствующие действия. К сожалению, лингвисты уделяют мало внимания параязыку, а между тем без упоминания параязыковых единиц словарное описание многих слов будет неполным или неточным. Больше того, в лексикографическое представление входов в толковые словари языка следует ввести отдельную зону, в которой бы указывались параязыковые

единицы, соотносимые с данной вокабулой, лексемой или фраземой. Отметим попутно, что жесты, сопровождающие данное слово, тоже заслуживают отдельного упоминания в толкованиях. Например, слово *да* может сопровождаться кивком или закрытием и открытием глаз, а слово *нет* — мотанием головы из стороны в сторону.

Глаголы стука различаются по степени интенсивности, которая связана с телесным объектом, производящим звук. Например, люди *стучат* обычно костяшками пальцев, отчего звук обладает относительно слабой интенсивностью; *колотят* — кулаком, и, конечно, звук при этом более сильный; наконец, *дубасить* в дверь можно и ногами, в этом случае сила звука максимальная. Здесь имена телесных единиц *костяшки пальцев*, *кулак* и *ноги* заполняют валентность инструмента соответствующих глаголов.

Параязыковыми заместителями глагола *стучать* являются последовательности *тук-тук* и *тук-тук-тук*. Как и в последовательностях звуков, обозначающих смешки и смех (*хи-хи*, *хи-хи-хи*), число элементов в последовательностях, отображающих стук, значимо. Иными словами, в параязыковых единицах могут иконически отображаться элементы смысла — в данном случае продолжительность стука. В свою очередь, продолжительность стука связана с эмоционально-оценочными смысловыми компонентами, такими как 'робость' (*тук-тук*), 'решительность' (*тук-тук-тук*) и 'раздражительность' (*тут-тук-тук-тук*).

Рассмотрим еще одну группу глаголов, обозначающих разные виды звонков в дверь. Самый нейтральный из них — это глагол *звонить*. Обратим внимание читателя на то, что действие *звонить в дверь*, хотя и связано со звуком, но совсем не с таким, который люди слышат, когда им звонят по телефону. Отметим, что для звуков разнообразных звонков по телефону в русском языке и в русском параязыке нет никаких обозначений — в отличие, например, от звуков звонков в дверь *дзинь* и *дзинь-дзинь*. Такие единицы есть в тексте (9):

- (9) *Слон сидит дома, пьет пиво, смотрит футбол. Звонок в дверь: дзинь! Пошел, открыл — никого. Только сел, снова: дзинь-дзинь! Пошел, открыл — никого. Только сел, налил пива — дзинь-дзинь-дзинь!!! Открывает, смотрит, на звонке комарик сидит, спрашивает: «Слониха дома?» «Нет». «Ну, передайте, что Эдик залетал».*

Здесь длина каждой последовательности параязыковых единиц передает определенный смысл. Единица *дзинь* — это характерный звук одиночного звонка в дверь, а большие по длине единицы *дзинь-дзинь* и *дзинь-дзинь-дзинь* передают разную степень нетерпения звонящего.

Интересной задачей было бы выявить и описать, какие объекты обладают характерным звучанием в данном естественном языке или в дан-

ном параязыке и как эти звучания обозначаются в этих языках. Например, объектами, обладающими характерным звучанием в русском языке, являются школьный звонок и колокол. При этом звук школьного звонка русским параязыком не передается, а звук колокола передается, в частности размеренной последовательностью низких ударных звуков, графически передаваемой как *бум-бум-бум* или *бам-бам-бам*.

Кроме глагола *звонить* в группу глаголов, обозначающих звонки в дверь, входят по меньшей мере еще две единицы — *названивать* и *трезвонить*. Глагол *названивать* обозначает итеративное действие, то есть длительность звонков, которая сопутствует глаголу *названивать*, большая, чем та, которая сопутствует глаголу *звонить*. В глаголе *трезвонить* передается совсем другая идея, а именно актуализуется непрерывность последовательности звонков, сопряженная с их силой. В обоих глаголах также на передний план выходят эмоционально-оценочные смыслы — ‘нетерпение’, ‘раздражительность’, ‘негодование’.

§4. Тексты, в которых параязыковые единицы имитируют патологические фонетические процессы

Значительное место в русском параязыке занимают единицы, имитирующие такие патологические фонетические процессы, как заикание, картавость, шепелявость, гнусавость, или патологическое удлинение человеком гласных в слове. Единицы с такой семантикой встречаются во многих видах текстов, см., например, (10):

- (10) *Идет как-то заика по улице и видит мужика, на которого падает кирпич. Он пытается предупредить мужика: «Ки... ки... ки... Она!»*

Прокомментируем данный текст, указав структуру и назначение встречающихся в нем параязыковых единиц.

Последовательность *ки... ки... ки*, в составе которой многоточие означает нечто другое, чем обычное, омонимичное ему, многоточие в конце предложения или текста, демонстрирует то, что заика пытается произнести слово *кирпич*, дающееся ему с трудом. На это указывают две фонетические особенности данной последовательности, а именно редукция начальных элементов слова *кирпич* и особая длительность их произнесения (с паузами, остановками и повторами, на что указывает многоточие).

Помимо последовательности *ки... ки... ки*, в этом тексте есть еще одна параязыковая единица — *она*. Она является типовым обозначением результата неожиданного мгновенного действия, происходящего с субъектом-агентом или с субъектом-пациентом. Человек, на которого падает кирпич, выступает в семантической роли пациента, а единица *она* обозначает финальную стадию падения кирпича на человека.

Еще один текст, в котором обыгрывается процесс заикания, это (11):

(11) *Приходит заика в магазин:*

— *Д-д-д-дай-т-те м-м-м-не м-м-м-м-м-м...*

— *Молока?*

— *Н-н-н-ет! М-м-м-м-м-м-м...*

— *Масла?*

— *Н-н-н-ет! М-м-м-м-м-м-мудак, к-к-кефира д-д-дай!*

В этом тексте содержится сразу несколько параязыковых единиц, и все они связаны с процессом заикания. Сначала заикающийся покупатель с трудом произносит первые два слова некоторой стандартной просьбы, обращенной к продавцу продуктового магазина. Однако третье слово вызывает еще большее затруднение у покупателя, так что, начав это слово, он не может его закончить. Продавец пытается помочь покупателю и угадать, что тот хочет сказать. Тут параязыковая последовательность *м-м-м* анафорически связана с речевыми единицами *молоко* или *масло*, то есть является неоднозначным контекстным заместителем этих единиц.

Заикающийся человек отвергает все попытки продавца угадать слово, и это длится довольно долго. Покупателя особенно раздражает то, что произносимое им слово *нет* продавец слышит и понимает. В конце концов, разозлившись на продавца, покупатель обзывает его обценным словом, опять-таки произнося это слово с трудом, и далее, как обычно бывает у заикающихся людей, покупатель наконец-то произносит название нужного ему продукта.

Обратим внимание, что в (11) вместо многоточия между начальными согласными слов, произносимых заикающимся человеком, стоит дефис — показатель того, что особая длительности пауз в параязыковых последовательностях, как это имело место в тексте (10), здесь не отмечается. И еще: отсутствие слогового деления тут значимо, а именно почти полная редукция слова — до первой буквы — делает невозможным его узнавание.

Обсуждаемый текст является примером иконического отображения известного в лингвистике и теории информации факта, а именно — с уменьшением фонетической полноты языковой единицы уменьшается ее информативная значимость. Напомним в этой связи, что речевые единицы, такие как аббревиатуры, тоже требуют расшифровки, то есть увеличения информативной значимости, а потому их форму и смысл нужно задавать в словарях.

Последний текст на тему заикания, который мы приведем, это (12):

(12) *Как ваша фамилия?*

— *Пе-пе-петров.*

— *Вы что, заика?*

— *Нет, папа был заикой, а паспортистка — дурой!*

Повторение слогов, записанных через дефис, а также устное произнесение соответствующей последовательности показывают, что перед нами не параязыковая единица, а языковая, а именно обозначение необычной фамилии человека — *Пепепетров*.

Впрочем, появление такой фамилии у человека исключить нельзя. Заметим в этой связи, что в русском языке есть слова типа *прапрапрабабушка*, в котором три одинаковые приставки, и каждая обладает своим значением, однако в русском параязыке единицы *пра-пра-пра* нет, хотя теоретически она вполне могла бы существовать.

Некоторые особенности произношения, такие как картавость, грассирование, шепелявость, ненормативное удлинение слогов в словах, которые могут быть переданы параязыковыми единицами, служат в анекдотах и других видах текстов для передачи национальных, профессиональных, социальных и иных характеристик человека.

§5. Параязык в отражении национальных характеристик героев анекдотов

Картавость как типичная черта еврея представлена в тексте (13):

(13) *Захотелось еврею в цирк сходить. Звонит он в справочную, спрашивает: «Дайте мне телефон цигка». Ему дают телефон ЦИКа. «Але, это цигк?» «Да, это ЦИК». «А какие у вас сегодня будут хохмочки?» «Адрес?» Сказал адрес. Приехал черный воронок, и забрали еврея в НКВД. Отсидел, вернулся наконец домой. Вновь набирает номер цирка, но попадает опять в ЦИК: «Але, это цигк?» «Да». «А какие будут сегодня хохмочки?» «Ваш адрес?» «Нет, эту хохмочку я уже знаю!»*

В русском языке нет конвенциональной нормы передачи явления картавости в письменном тексте. Так, в (13) мы встречаемся с последовательностью *гк* (*цигк*) вместо нормативного *рк*, а в (14) графически фиксируется особенность произношения евреем мягкого *г* вместо *р* в слове *Суворов*:

(14) *В картинной галерее еврей спрашивает генерала:*

— *Это кто, Сувог'ов?*

Генерал (передразнивая):

— *Да, это Сувог'ов, Сувог'ов.*

Еврей:

— *Зачем вы мне подг'ажаете? Вы бы лучше ему подг'ажали.*

Подчеркнем, что картавость трудно имитировать, поэтому в устном воспроизведении анекдотов (и не только анекдотов!), в которых нужно передать картавую речь, человек часто терпит неудачу³.

Речь эстонцев тоже обыгрывается во многих анекдотах, см. (15):

(15) *Звонок в Эстонскую службу быстрого реагирования.*

— Алло! Это проспект Ленина, 13. Четвертый подъезд. У нас взорвалась газовая плита!!! Взрывом разнесло стену!!! Там магазин лако-красочных изделий!!! Все горит!!! Сейчас загорается второй этаж!!! Скоро рухнет весь дом!!!!...

— Здра-а-афстлуй-те-е. Это Э-эсто-нска-ая слу-жба-а бы-стро-го ре-аги-ро-ва-ния. У фас про-о-бле-ема-а?

В представлении русских речь эстонца подобна его характеру: она размеренная, задумчивая и, как правило, медленная. Здесь речь идет о пожаре, который нужно срочно ликвидировать. Замедленная речь эстонца — работника Эстонской службы быстрого реагирования (в чем проявляется ирония, дополнительный квант юмора) — графически передается удлинением гласных с помощью парязыковых последовательностей *а-а-а*, *е-е*, *о-о*, *а-а*, входящих едва ли не в каждое произносимое эстонцем слово. Кроме того, замедленная речь передается в этом тексте делением каждого слова как бы на слоги. Наконец, звонкая согласная *в* произносится эстонцем как *ф*, и оглушение звонких согласных тоже подается здесь как характерная особенность речи эстонцев.

Последнее предложение в тексте (15) подчеркивает неторопливость эстонцев даже в экстренных ситуациях; более того, непосредственный смысл вопроса скорее служит уточнению причины звонка в службу спасения, чем быстрому решению проблемы. У многих народов есть свои особенности произношения русских слов: замена гласных, например, замена *и* на *ы* или *е* на *э* в речи кавказцев, замена *я* на *а* в речи белорусов или белорусское аканье. Можно отметить также характерный для речи латиноамериканцев особый акцент или их быструю речь. Однако в нашей коллекции анекдоты, подобные (13)–(15), в которых фонетические характеристики персонажей составляют соль этих текстов, относительно редки.

Иногда парязыковые элементы, типичные для разных народов, юмористически обыгрываются в пределах одного текста, ср. анекдот-загадку (16):

³ О различных проблемах, связанных с рассказыванием анекдотов, в частности, о передаче в этом процессе невербальных проявлений, таких, как акцент, см. [Шмелева, Шмелев 2002: 4849], или невербальных знаков, таких, как жесты, см. [Крейдлин, Шмелева, 2007].

(16) *Встречаются грузин с евреем.*

— *Вай-вай-вай, — говорит первый.*

— *Ой, вей-вей-вей, — говорит второй.*

Вопрос: о чем это они?

Ответ: о текущей политической ситуации.

Несмотря на внешнюю общность двух параязыковых единиц, тут легко узнаются — даже без употребления местоимений *первый, второй* — авторы реплик. Грузинская последовательность *вай-вай-вай* передает здесь значение невозможности изменить сложившуюся плохую ситуацию, а еврейская единица *ой, вей-вей-вей* является отражением общей картины мира еврея как героя анекдотов, а именно характерного для него представления о том, что все плохо и нельзя ожидать улучшения.

56. Параязык в отражении профессиональных характеристик героев анекдотов

В анекдотах о врачах параязыковые единицы и междометия являются характерным показателем привычного разговора врача с пациентом. Отметим такие междометные комплексы и элементы параязыка как *ну, ну-ну, так-так-так*.

Эти единицы дополняют такие речевые и коммуникативные характеристики врачей, как употребление в диалоге местоимения *мы* в особой функции, когда оно подчеркивает солидарность врача с больным. См., например, (17), где обыгрываются два значения местоимения *мы*: солидарного эмпатического, относящегося к больному, и *мы* совместного:

(17) — *Ну, больной, как мы себя чувствуем?*

— *Я плохо, а вы, может, хорошо.*

В следующем тексте встречается параязыковая последовательность *так, так, так*:

(18) *Врач при осмотре больного приговаривает: так, так, так, а здесь не так!*

Во время первичного осмотра больного врач часто ощупывает и прослушивает разные места на человеческом теле, приговаривая при этом *так, так, так* каждый раз, когда переходит от проверки одного телесного объекта к другому.

Эта параязыковая единица выполняет две смысловые и одновременно коммуникативные функции: она указывает на последовательный осмотр пациента и при этом передает смысл одобрения того, что все просмотренные телесные объекты в норме.

Вдруг врач обнаруживает непорядок в каком-то месте тела и выражает это местоименной единицей *не так*. Интересно, что антецедентом этой единицы является не выраженное в тексте действие врача. К тому же речевая единица *не так* соотносится по смыслу с параязыковой последовательностью *так, так, так*: последняя означает ‘все хорошо’, а единица *не так* означает ‘нечто плохо’.

Обратимся теперь к анекдоту (19):

(19) *Открыли в одном городе публичный дом. На первом этаже работают самые молодые и красивые девочки, цена 200 долларов; на втором — постарше, 100 долларов; на третьем уже ветераны за 50 долларов. Клиентов много, вот хозяин и думает: «Что же у меня чердак простаивает? Сейчас лето, каникулы, учительницы свободны, зарплаты у них маленькие. Предложу им подработать на чердаке за 25 долларов». Проходит несколько дней. На первом этаже никого, на втором никого, на третьем пусто, на чердак стоит очередь. Хозяин повышает цену на чердаке до 50 долларов — клиенты идут один за другим, до 100 — то же самое, до 200 — прием только по записи! Ну, ему стало интересно, что же там происходит, он спрятался на чердаке, прижал ухо к стенке, слушает: «Таак, таак, делай таак. Молодец! Ну вот, а ты говорил, что не получится! А теперь повторяем еще раз. Таак, таак...»*

В этом анекдоте параязыковая единица *таак, таак, таак* передает одновременно смыслы подбадривания и одобрения. Она характерна для речи преподавателей, которые слушают ученика, например слушают его ответ. Жестовым аналогом этой единицы является **академический кивок**, описанный в «Словаре языка русских жестов» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001] (далее — СЯРЖ).

Вообще, речевые и параязыковые единицы с одиночным или повторяемым элементом *так* в их разных фонетических и графических обликах встречаются в анекдотах о представителях разных профессий. Это не только анекдоты о врачах или учителях, но и анекдоты о военных (ср. единицу *так точно!*), о мастерах и подмастерьях или о портных и клиентах.

В текстах, героями которых являются военные, часто обыгрывается командный стиль диалога старшего по званию с младшим. Команды отдаются отрывистым приказным тоном с нажимом на определенные слова или звуки (своеобразные фонации), как в (20):

(20) — *Я хочу тебе, Ржевский, сказать, что на всю жизнь запомнил противный голос старшины, когда он, словно иерихонская труба, утром ревел: «Р-р-р-рота, подъем!!!» Как вспомню, до сих пор вздрагиваю.*

— А я самым противным звуком, — сказал поручик Ржевский, — считаю звук ключа, вставляемого в замок, означающий, что муж внезапно вернулся из командировки.

Обратим внимание на смешанную единицу, состоящую из параязыковой части *p-p-p-* и языковой части — слова *рота*. Разные раскатистые единицы такого рода можно услышать на военном параде или на смотре войск, когда к участникам парада или смотра обращается главнокомандующий. В ответ на обращение мы часто слышим чудовищную и трудно различимую смесь речи и параязыка.

Анекдоты о деятелях искусства с их языковыми и параязыковыми особенностями тоже составляют важную часть анекдотов, в которых отражаются профессиональные характеристики людей. Вот, например, анекдот (21):

(21) *Женился музыкант, советуется с другом, как вести себя в первую брачную ночь. Друг говорит: ляжете вы в кровать, положи ей руку на грудь и скажи: дорогая! Она сама тебе скажет, что дальше делать. Ну, легли они в кровать, положил музыкант невесте руку на грудь, говорит: «Дорогая!» Невеста ему: «Ниже!» Он (басом): «Дорогая!»*

Письменная запись приводимого текста не полностью соответствует его устному воспроизведению. В сферу действия упомянутого в нем предиката *ниже* входит либо указание на движение руки, либо указание на изменение тональности слова *дорогая*. Если бы не было указания на особенности голоса (*басом*), то анекдота (21) не существовало бы, ср. неправильный текст **Положил музыкант невесте руку на грудь, говорит: «Дорогая!» Невеста ему: «Ниже!» Он: «Дорогая!»*>.

Здесь именно параязыковые характеристики составляют соль анекдота. Их роль в его устном воспроизведении нельзя недооценить.

До сих пор мы имели дело с текстами, в которые входили параязыковые единицы, выступающие в контексте слов и последовательностей слов. Однако параязыковые единицы могут быть также в контексте невербальных единиц другого типа. Мы имеем в виду жесты, которые часто сочетаются с параязыковыми единицами, образуя с ними особого рода смешанные сочетания, сравнительно недавно попавшие в сферу внимания лингвистов и специалистов по невербальной семиотике. Так, в СЯРЖ предусмотрена особая зона сочетаемости входной жестовой лексемы или вокабулы с некоторой параязыковой единицей, обязательной или факультативной при данном жесте. Например, вариант жеста **кивать головой** (см. [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 59–60]), который можно было бы назвать **повторный кивок головы**, регулярно сопро-

вождается единицей *да-да-да*, а **энергичное мотание головой** сопровождается единицей *нет-нет-нет*.

Наоборот, в словаре русских параязыковых единиц, словник которого, впрочем, еще не составлен, должна быть предусмотрена жестовая зона, в которую заносятся единицы, регулярно сопровождающие входную параязыковую лексему или вокабулу. Например, единица *о!*, промежуточная между междометием и параязыковой единицей, часто сопровождается поднятием указательного пальца правой руки вверх. Этот жест часто встречается в анекдотах про евреев, что не случайно, поскольку евреи в разных жизненных ситуациях обращаются к Всевышнему. Сама единица *о!* передает превосходство знания над незнанием, торжество мудрости над тривиальностью.

Приведем два анекдота, в которых еврейская интонация в устном рассказывании вполне согласуется с семантикой жеста и его физической реализацией:

(22) *По кладбищу гуляют три еврея:*

- *Я бы хотел лежать здесь, рядом с ребе Зусманом, великий был мудрец!*
- *А я бы хотел лежать рядом Моисеем Рабиновичем, великий был человек!*
- *А я бы хотел лежать рядом с мадам Кац.*
- *Так она же еще жива!*
- *О!*

(23) *В еврейском ресторане клиент зовет официанта:*

- *Шломо, попробуй этот суп.*
- *Что вдруг? Это тот же суп, который вы всегда заказываете.*
- *Попробуй.*
- *Слушайте, когда я вам подавал плохой суп?*
- *Я тебе говорю: попробуй!*
- *Ну хорошо уже, я попробую, но где ложка?*
- *О!*

Заключение

Русскому параязыку до сих пор уделялось недостаточно внимания в лингвистике и семиотике. Описывались лишь некоторые его лексические единицы, прежде всего те, которые соотносятся с междометиями, такие как *да-да-да*, *нет-нет-нет*, *ой-ой-ой* и т. п., или те, которые принадлежат к классу звукоподражаний: *ко-ко-ко*, *му-му*, *гав-гав*.

В одной из статей Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука для междометий, звукоподражаний и других лексических единиц авторами был предложен

удачный обобщающий термин — *сигналятивы* (*signalatives*). Сигналятивы разбиваются на несколько классов, один из которых составляют лексические единицы. К лексическим сигналятивам помимо междометий (авторы приводят примеры *Wow!* и *Phew!*) и звукоподражаний принадлежат также парентетические наречия, такие как *к сожалению* (*unfortunetly*), *конечно* (*of course*), *как мне кажется* (*to my sense*), наречия-коннекторы типа *фактически* (*in fact*), *например* (*for instance*), риторические союзы, такие как *хотя* (*although*) и *поскольку* (*since*), и некоторые другие группы единиц [Иорданская, Мельчук 2011].

Все лексические сигналятивы характеризуются тем, что они не вводят в предложения или словосочетания логические пропозиции, а потому не являются «настоящими» предикатными словами. Все они являются сигналами эмоций человека или сигналами элементов его мыслительной деятельности, многими своими функциями напоминая полнозначные слова. Параязыковые единицы тоже, конечно, относятся к сигналятивам, что, в частности, мы попытались показать в настоящей статье.

Параязыковые единицы составляют лишь часть лексики, изучаемой в невербальной семиотике. Вместе с жестами они образуют центр этой науки по отношению к естественному языку. Отмечена согласованность — вплоть до совместной встречаемости в устной коммуникации — параязыковых, языковых и жестовых единиц.

Как известно, лексика языка описывается преимущественно в толковых словарях общего типа, и таких словарей очень много. Между тем специализированных толковых словарей очень мало. На один из них мы обращаем особое внимание. Это «Толковый словарь русского разговорного языка» [Крысин (ред.) 2014–2022], в котором входами служат не только языковые, но и некоторые параязыковые единицы. Также очень мало и толковых словарей жестов как одного языка, так и разных языков. Лишь относительно недавно выпущены толковые словари жестов немецкого ([Познер, Ноль, Крюгер, Серенари 1999]), итальянского ([Кальоньето, Поджи 1997]) и французского ([Кальбрис, Монтедон 1986], [Мессинжер 2009]) языков, есть интересный и полезный в практической деятельности двуязычный сопоставительный толковый словарь русских и японских жестов [Акишина, Кано 2015]. Русские жестовые единицы описаны в СЯРЖ [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001], в котором, в отличие от упомянутых выше жестовых словарей, имеется специальная зона, где отмечаются параязыковые единицы с особой функцией, а именно они уточняют содержание входной жестовой лексемы и встречаются обязательно или факультативно в ее ближайшем контексте. Словарь русских параязыковых лексических единиц и толковые словари русского языка и языка русских жестов образуют комплект книг, необходимый для анализа устной русской мультимодальной коммуникации.

Литература

- Акишина А., Кано Х. Словарь русских жестов и мимики. М.: Русский язык. Курсы. 2015. 208 с.
- Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. М. — Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001.
- Кодзасов С.В. Голос: свойства, функции и номинации // Язык о языке. Сб. статей / Под общим рук. и ред. Н.Д.Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 502–526.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М.: НЛО, 2002. 592 с.
- Крейдлин Г.Е., Шмелева Е.Я. Вербальные и невербальные элементы анекдота // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 509–519.
- Крейдлин Г.Е. Коммуникация врача с пациентом: жесты и модели невербального поведения как симптомы телесной патологии // Гуманитарные чтения РГГУ — 2012. Теория и методология гуманитарного знания. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 273–285.
- Крысин Л.П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Выпуск 1–4. М.: Языки славянской культуры. Вып. 5. М.–СПб.: Нестор-История, 2014–2022.
- Кузнецов С.А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Шляхова С.С. Тень смысла в звуке. Введение в русскую фоносемантику. Пермь: ПГПУ, 2003.
- Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Calbris G., Montredon J. Des gestes et des mots pour le dire. Paris, Cle International, 1986.
- Caldognetto M., Poggi I. Mani che parlano. Gesti et psicologia della comunicazione. Padova, Unipress, 1997.
- Iordanskaja L., Mel'čuk I. Illocutive parenthetical verbs in Russian. Proceedings of the 5th International Meaning – Text Theory. Barselona, 8–9 September, 2011. Igor Boguslavsky and Leo Wanner (eds.). Pp. 120–132.
- Messinger J. Le dico illustre des gestes. Paris, Flammarion, 2009.
- Posner R., Noll T., Krüger R., Serenari, M. Berliner Lexicon der Alltagsgesten. Berlin, Wissenschafts-Verlag, 1999.

References

- Akishina A.A., Kano Kh. *Slovar' russkikh zhestov i mimiki* [Dictionary of Russian gestures and facial expressions]. Moscow, Russkii Yazyk. Kursy Publ., 2015. 208 p.
- Calbris G., Montredon J. Des gestes et des mots pour le dire. Paris, Cle International, 1986. 159 p.

- Caldognetto M., Poggi I. *Mani che parlano. Gesti et psicologia della comunicazione*. Padova, Unipress, 1997. 210 p.
- Grigor'eva S. A., Grigor'ev N. V., Kreidlin G. E. *Slovar' yazyka russkikh zhestov* [Dictionary of the language of Russian gestures]. Moscow – Vienna, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ.; Wiener Slawistischer Almanach, 2001. 256 p.
- Iordanskaja L., Mel'čuk I. Illocutive parenthetical verbs in Russian. *Proceedings of the 5th International Meaning – Text Theory*. Barselona, 8–9 September, 2011. Igor Boguslavsky and Leo Wanner (eds.). Pp. 120–132.
- Kodzasov S. V. [Voice: properties, functions and nominations]. *Yazyk o yazyke* [Language about language]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 2000, pp. 502–526. (In Russ.)
- Kreidlin G. E. *Neverbal'naya semiotika* [Nonverbal semiotics]. Moscow, NLO Publ., 2002. 592 p.
- Kreidlin G. E., Shmeleva E. Ya. [Verbal and nonverbal elements of an anecdote]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [Logical analysis of language. Linguistic mechanisms of comicality]. Moscow, Indrik Publ., 2007, pp. 509–519. (In Russ.)
- Kreidlin G. E. [Doctor-patient communication: gestures and models of nonverbal behavior as symptoms of bodily pathology]. *Gumanitarnye chteniya RGGU – 2012. Teoriya i metodologiya gumanitarnogo znaniya* [Humanitarian readings of RSUH – 2012. Theory and methodology of humanitarian knowledge]. Moscow, RSUH Publ., 2013, pp. 273–285. (In Russ.)
- Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyj slovar' russkoi razgovornoj rechi* [Dictionary of Russian everyday speech]. V. 1–4. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ. V. 5. Moscow – St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014–2022.
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Big dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint, 2000. 1536 p.
- Messinger J. *Le dico illustre des gestes*. Paris, Flammarion, 2009. 736 p.
- Posner R., Noll T., Krüger R., Serenari M. *Berliner Lexikon der Alltagsgesten*. Berlin, Wissenschafts-Verlag, 1999.
- Shlyakhova S. S. *Ten'smysla v zvuke. Vvedenie v russkuyu fonosemantiku* [A shadow of meaning in the sound. Introduction to Russian phonosemantics]. Perm', PSPU, 2003. 217 p.
- Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkii anekdot: Tekst i rechevoi zhanr* [Russian canned jokes: Text and speech genre]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2002. 144 p.